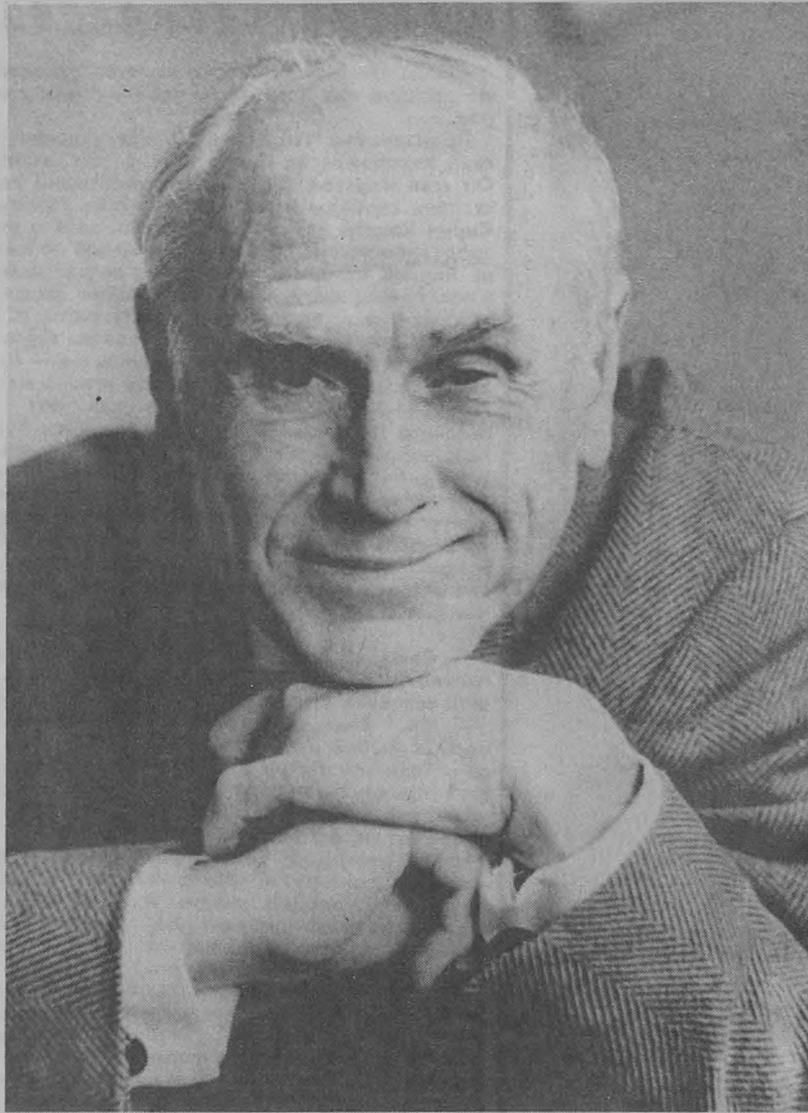

Бабочкин Борис

Вспоминаю теперь уже очень далекие времена. Послевоенный Институт кинематографии — ВГИК — совсем не похож на нынешний: крохотные комнатки, узкие полукруглые коридоры, студентки в простеньких платьях, ребята в военных гимнастерках, впрочем, «ребятами» их можно назвать только по возрастной аналогии с сегодняшними вгиковцами. Многие из тех «ребят» прошли фронт, были не раз ранены, контужены. В аудиториях — Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, Герасимов, Ромм... Но вот в институте появился Бабочкин. Стройный, подтянутый, ходил уверенно, твердо ступая, чуть-чуть переваливаясь с ноги на ногу, «кавалерийской» походкой, сохранившейся, как нам казалось, конечно же, со времен «Чапаева». Иногда я встречал его на улице, несколько раз на Тверском бульваре. И всегда — с волнением. Хотя видел к тому времени немало актеров, с некоторыми был даже знаком. Но ведь это Бабочкин! Живая легенда...

ОН СОВЕРШИЛ ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНОЕ

К 90-летию со дня рождения Бориса Андреевича Бабочкина

Для многих из тех, чье детство или юность пришлось на 30—40-е годы, Чапаев, созданный Бабочкиным, — не только сильнейшее потрясение в искусстве, но и что-то значительно большее. И на всю жизнь.

У каждого народа существуют свои герои. Они меняются со сменой поколений. Для моих сверстников таким героем был Чапаев.

Идеологическую закуску мы впитывали с пионерского возраста, но, убежден, в основе нашего отношения к этому легендарному образу было иное. Сколько красных командиров видели мы на экране и часто в очень талантливо исполнении, но ни один из них не стал для нас тем, чем стал Чапаев, ни один не обладал такой силой притяжения, таким завораживающим, покоряющим обаянием.

И дело здесь не в идеологии, не в политике. Чапаев воспринимался как конкретное воплощение прекрасных человеческих качеств, идеи справедливости, романтической мечты о народном счастье. Время стирало в сознании политические атрибуты, исторические условия, и обнажалась общечеловеческая, гуманистическая природа этого образа.

Почему так воспринимался именно кинематографический Чапаев? Можно много размышлять, объясняя этот феномен. Но безусловным останется одно — это произошло в огромной, решающей степени благодаря гениальному воплощению Бабочкиным образа Чапаева. Показательно, что Борис Андреевич считал Чапаева в своей сущности глубоко трагическим героем.

В Чапаеве Бабочкина мы, юные, тогда, может быть, еще не совсем осознанно, но, конечно же, ощутили черты истинно народного национально-характера со свойственными ему мудростью и открытостью души, широтой и удалью, подкупающей сердечностью и врожденным оптимизмом, мужественной сдержанностью и простодушным лукавством. Актеру удалось раскрыть как бы самую суть русского характера. И каждый узнал в герое что-то свое, личное, родное.

Очень верно заметили товарищи Бабочкина по искусству С. Герасимов и Т. Макарова, что слава Чапаева сделала самого актера «народным героем на всю жизнь».

Вообще Бабочкин, по моему глубокому убеждению, был непревзойденным выразителем в искусстве народного национального характера.

Потомственный крестьянин Иван Выборнов в незаслуженно забытом фильме военных лет «Родные поля» (это и режиссерский дебют Бабочкина в кино), плотник Олеша Смолин в телеспектакле по произведению Василия Белова «Плотницкие рассказы» — актерские создания могучие, уникальные, поразительные по психологической глубине, точности пластического рисунка, самобытности.

Приходится только удивляться, как Бабочкин, человек сугубо городской, утонченный, даже рафинированный интеллигент, мог так глубоко понять, прочувствовать душевный склад, мировосприятие, психологию землешца, плотника, партизанского вожака. Да, это совершенное владение тайной постижения человеческих душ, масштаб художественной интуиции. Но это же и память, великолепное знание жизни! Волжанин, проведший детство и юность в Саратове, он запомнил облик крестьян тех лет с их подчеркнутым чувством собственного достоинства, некоторой картинностью жестов, образностью речи — потом он использовал эти впечатления в пластическом рисунке Чапаева и других своих крестьянских персонажей.

Чапаев, Выборнов, Олеша Смолин представляли лишь одну ветвь на редкость многогранного творчества актера. Сыграл он и десятки других самых разнообразных ролей: Чацкого и Хлестакова, Гришку Отрепьева и царевича Алексея, Незнамова и Силу Ерофеевича Грознова из пьес Островского, Власа и Суслова из горьковских «Дачников», Николая Степановича из «Скучной истории» Чехова и генерала Клаверова из «Теней» Салтыкова-Щедрина, чеховского

Иванова и Кулигина из «Грозы», Победоносикова из «Бани» Маяковского и Достигаева...

Как у каждого большого художника, у Бабочкина были шедевры, более и менее удачные работы. Но важно отметить, что с первых лет актерской практики, органично вписываясь в общий режиссерский рисунок спектакля или фильма, он обязательно вносил в роль что-то свое, личное, авторское, самобытное, какую бы сценическую историю не имела исполняемая им роль. И глубоко закономерно, что уже в 30-х годах второй стороной его творческой деятельности становится режиссура.

В студенческие годы я, естественно, и представить себе не мог, что мне выпадет счастье близко узнать Бориса Андреевича — сначала по чисто профессиональным моим обязанностям, а затем и дружить с ним, часто встречаться, бывать у него дома, на даче, подолгу разговаривать.

Он был натурой сложной, с собственным, оригинальным взглядом на окружающее, со своеобразным, не сразу и не всем раскрывавшимся характером. Я не раз наблюдал (и сам испытал это), как порой настороженно встречал он незнакомых людей, мог быть с ними ироничным, суховатым, даже резким, но стоило ему ближе узнать человека, а тем более увидеть в нем единомышленника во взглядах на искусство, и не было более открытого собеседника, чем Борис Андреевич, а потом, может быть, и более верного товарища, доброго друга. Его отзывчивость, заботу, сердечность я не раз чувствовал и по отношению к себе, например, когда он однажды приложил столько усилий, потратил так много времени, чтобы найти нужного мне врача.

Если же встретившийся человек оказывался ему чужд, расхохотался с ним в каких-то очень дорогих для него убеждениях, — замкнутым, холодным, колючим он оставался с этим человеком навсегда. Может быть, такой ригоризм шел от фанатической преданности

Бабочкина искусству. К любому произведению он предъявлял самые высокие критерии. Конечно, бывал субъективным, но неискренним — никогда. А вообще у него был «абсолютный слух» на правду в искусстве: он мог, например, только по звуку, не глядя на телевизионный экран, из соседней комнаты безошибочно оценить качество показываемого фильма или спектакля.

Возможно, причиной являлась и повышенная ранимость его души? Слишком много незаслуженных творческих обид нанесли ему некоторые коллеги и критики, особенно когда безтактно начинали сравнивать с Чапаевым другие его работы и не замечали того нового, что было в них.

Как-то, говоря о важности для актера «точки опоры» в роли, Бабочкин с оттенком горечи сказал: «Вот в «Чапаеве»... у меня была точка опоры. Правда, может быть, она была слишком сильной и заслонила некоторые другие работы, которые для меня так же дороги, как и «Чапаев».

А искусство Бабочкина с годами развивалось и обогащалось. Все более укреплялась свойственная его творчеству удивительная гармония между разумом, блестящим интеллектом и миром чувств, эмоциональным началом. Даже в тех случаях, когда он, казалось бы, просто, сидя за столом, без грима и каких-либо актерских приспособлений читал на телеэкране монологи из классических пьес, благодаря высочайшему артистизму это поразительное равновесие ума и эмоций сохранялось во всей своей покоряющей силе.

И еще нельзя не заметить, что все более явственно проявлялись в Бабочкине черты трагического актера. Сыграв в последние годы роль Николая Степановича из чеховской «Скучной истории», он написал о герое слова, которые воспринимаются автобиографично по отношению к самому Борису Андреевичу: «Он не может высказать другим людям то, что открывается только ему одному, потому что знает, что его могут не понять. Да и сам он не понимал раньше то, что открыл только

сейчас, на пороге смерти». Жизнь Бабочкина складывалась нелегко. Далеко не всем приходилось по душе его бескомпромиссность в оценках. Самым резким образом он мог отозваться о спектакле или фильме, официально высоко оцененном, даже выдвинутом в качестве эталона. Кристально честный человек, Бабочкин всегда называл вещи своими именами, не заботясь о том, кто и как воспримет его слова. Никаких иных соображений, кроме самоценности искусства, он не признавал. Ни к кому и ни к чему не приспособливался. Независимость его суждений, свобода взглядов не вписывались в негласные правила, распространявшиеся в годы тоталитаризма и на искусство. За легендарностью облика великого артиста скрывались подчас весьма прозаические трудности бытия, когда он оказывался и без работы, когда ему помогали только друзья и знакомые. Были и более существенные, болезненные потери, которые доставляли ему немало страданий. Те, кто читал его дневники (а их непременно надо опубликовать), встречали там немало горьких записей об интереснейших, необычных, смелых замыслах, которые не по его вине не стали реальностью искусства.

Непоколебимый в главном, в том, в чем был убежден, Бабочкин умел прислушиваться к мнению, советам других по частным, конкретным вопросам. Сужу об этом хотя бы по воспоминаниям, связанным с газетой «Советская культура», на страницах которой он не раз выступал. И могу сказать, что не знал автора более чуткого, внимательного к редакторским пожеланиям.

Последние годы он был тяжело болен — часто, слишком часто вызывалась «неотложка», увозившая его в больницу. Сердце не выдерживало духовной и нервной перегрузки. Но это могло отражаться на чем угодно, только не на его отношении к работе. Он был мужественным человеком. С возрастом к нему словно пришло «второе дыхание». Сознывая скоротечность жизни, считанное время, оставшееся ему, Борис Андреевич старался сделать как можно больше. И совершил почти невозможное — за короткий срок поставил такие яркие, новаторские спектакли Малого театра, как «Иванов», «Дачники», «Достигаев и другие», «Фальшивая монета», «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Гроза», сыграл в них ведущие роли, создал подлинно шедевры в телеспектаклях «Скучная история» и «Плотницкие рассказы», снялся в трудной роли в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли», записал на телевидении монологи из трагедий своего любимого Пушкина, часто выступал на радио и эстраде, постоянно занимался в своей мастерской во ВГИКе, писал книги, статьи.

Помню заснеженный вечерний Кутузовский проспект, по которому мы не раз бродили вдвоем с Борисом Андреевичем в последнюю его зиму. Однажды разговор был особенно откровенным: он с болью говорил о несвершенном, о том, что мечтал поставить, сыграть и что, вероятно, уже не сможет, не успеет сделать. Это была трагически трезвая оценка художником своих оставшихся сил. Помню одно из его выступлений перед зрителями за несколько месяцев до кончины. Во время чтения монолога Пимена он внезапно остановился, спазм перехватил горло: «Еще одно, последнее сказанье... и летопись окончена моя».

Но до последнего своего дня Бабочкин оставался молод духом. Это не просто красивая фраза. Он на самом деле старался не замечать своего возраста. И это ему удавалось. По моему, никто никогда не мог бы назвать его пожилым человеком. Он сохранил даже внешне молодое изощрение, легкость. Любил хорошо одеваться, уметь носить костюмы. А как великолепно танцевал! Был очарователен в компании, неизменно оставался центром внимания, живым, увлеченным собеседником. И на всем его облике лежал отпечаток высокого благородства, истинной интеллигентности...

Лев ПАРФЕНОВ.
 Фото Е. Халдея.